

Александр Валентинович Амфитеатров

Побег Лизы Басовой

Александр Валентинович Амфитеатров

Побег Лизы Басовой

Аннотация

«Храповицкий мещанин Тимофей Курлянков стоял на коленях в глубине „котла“, выветренного в пластовой шиферной скале над Енисеем, и чинил рыболовную сеть. Он был очень не в духе. Сегодня утром неожиданно-негаданно пожаловала к нему из города на одинокую заимку жена его Ульяна, баба еще молодая, но пьяная и гулящая. Тимофей, человек степенный и работающий, ее терпеть не мог...»

Содержание

I	4
II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Амфитеатров

Побег Лизы Басовой

I

Храповицкий мещанин Тимофей Курлянков стоял на коленях в глубине «котла», выветренного в пластовой шиферной скале над Енисеем, и чинил рыболовную сеть. Он был очень не в духе. Сегодня утром неожиданно-негаданно пожаловала к нему из города на одинокую заимку жена его Ульяна, баба еще молодая, но пьяная и гулящая. Тимофей, человек степенный и работающий, ее терпеть не мог. Жили они давным-давно врозь: Ульяна – в городе по местам у «навозных», Тимофей – приказчиком-сторожем на глухой заимке, брошенной настоящим хозяином, красноярским купцом, чуть не в полную собственность Тимофея. Купец, великий фантазер и запивоха, весьма уважал Тимофея за честность и еще больше за то, что, «однако, курносый, как Сократ». Прежде чем спиться, купец успел поучиться в красноярской гимназии, а может быть, именно там-то и спился, как весьма многие сибирские юноши. Визиты Ульяны к мужу на заимку всегда означали одно и то же: что бабу бросил очередной любовник, а она с досады и горя запьянствовала, потеряла место, безобразничала недели две по улицам и валялась хмель-

ная у всех кабаков славного города Храповицка, пока наконец, пропившись дотла, не вспомнила о существовании где-то в глуши, за сорок пять верст, своего законного супруга. Сегодня Ульяна пришла в довольно приличном виде, то есть имела на себе юбку и башмаки. Два года назад, в последнее свидание супругов, она явилась очам изумленного Тимофея почти Евою: всю одежду заменял ей рогожный куль, который она носила как поп ризу. А на дворе потрескивали уже сентябрьские морозы. Другая бы замерзла либо простудилась насмерть. Но этой железной, да и к тому же насквозь проспиртованной бабище все было сполгоря: хоть бы лишний раз чихнула! При встрече муж и жена, после кратких и весьма ласковых приветствий, быстро переходили к пререканиям, от пререканий – к драке. Побеждал в продолжительном бою в конце концов, разумеется, Тимофей, – все-таки мужчина! – но не без труда и урона, потому что Ульяна была не по-женски сильна и в драке зверела, так что надо было ее связывать. Вся обычная последовательность супружеского свидания повторилась и сегодня утром, о чем выразительно свидетельствовали царапины на лице Тимофея и подбитый глаз. Тимофей продержал жену связанною больше трех часов, покуда она утомилась ругаться, заснула, выпалась и, проснувшись, взмолилась о помиловании. Тимофей явил великодушие и развязал Ульяну, за что в благодарность та немедленно плюнула ему в глаза. Драка имела все данные возобновиться, но Тимофей, как опытный стратег, сообра-

зил, что, покуда связанная Ульяна спала и отдыхала, он три часа работал во дворе, не покладая рук, и, следовательно, со свежими силами врага ему, утомленному, не сладить. И, осторожный, как Куропаткин, он благородно ретировался к сетям своим на Енисей, оставив за торжествующею Ульяною поле сражения и фортецию заимки.

Ульяна воспользовалась своею победою прежде всего за тем, чтобы разыскать имевшуюся в хате бутылку спирту, которую и осушила по-сибирски – чайною чашкой. Алкоголь умягчил ее бранное сердце и расположил мириться с мужем. К тому же на заимке ни души не было, и пьяной бабе стало скучно. Одним словом, каковы бы ни были намерения Ульяны, мирные или воинственные, но Тимофей, около обеденного часа, увидал из своего «котла», что жена взбирается к нему в убежище крутою тропинкою по обрыву над Енисеем. Ульяна едва держалась на ногах, качалась, шаталась, падала на четвереньки, ползла. Тимофей пришел в ужас: он знал, что тропа узкая, неверная, осыпчатая, по ней и трезвому-то пройти не шутка. И не успел он крикнуть Ульяне, чтобы та остереглась, как несчастная баба и в самом деле оступилась и полетела, перекувыркнувшись в воздухе, вниз, а за нею грянул целый обвал слоистой выветренной породы.

Тимофей, едва помня себя от ужаса, бросился на помощь к жене. Она лежала близ самого Енисея, на гальке, полузасыпанная, неподвижная. Пока мужик добрался к ней через сыпучую дыру, которую сделал в тропинке обвал, прошло

довольно времени. Бледная синева лица, оскал зубов и лужа крови вокруг холодеющего тела выразительно сказали Тимофею, что он овдовел.

Тимофею несколько не жаль было Ульяны, но он был потрясен внезапностью катастрофы и, кроме того, струсил. Не покойницы струсил, но – что засудят. Мужик он был неглупый и сразу смекнул, что в несчастный случай тут начальство плохо поверит. О скверных отношениях Тимофея с женою было известно далеко в околотке. Заглянул Тимофей в лужицу, наплесканную Енисеем между галькою: вода показала ему курносое лицо, исковерканное смущением и страхом, а что хуже всего, избитое и исцарапанное так усердно, что не у всякого настоящего убийцы бывает. Худо!

Одна надежда, что никто не видал. Кругом пустыня. До ближайшего жилья – села Прощи – семь верст. Спустить Ульяну, хорошенько загрузив крупною галькою, в Енисей, и концы в воду. Но тут Тимофей сообразил, что Ульяна прошла ряд сел, в которых ее знали. Значит, известно, что она находится у мужа. Значит, не сегодня завтра узнается, что Ульяна пропала с заимки невесть куда. Значит, явится спрос к Тимофею: куда девал жену? А Енисей – река сумасшедшая: не груженое он грузит, а груженое разгружает. Каких камней ни наверти на покойницу, это похороны неверные, – течение очень может развязать труп и выбросить его где-нибудь на мель, в протоке.

Покуда Тимофей горевал и раздумывал, к заимке, со сто-

роны ближнего села, подходил человек. Был он богатырско-го роста, в грубом пиджаке домотканого сукна, штаны засучены в высокие сапоги. Из-под московского картуза глядели глаза орлиные – суровые, смелые и зоркие. Сивые усы, сивая борода. Звали этого человека... впрочем, все равно, как его звали, а кличка ему в округе была Потап. Был он старый политический ссыльный – бомбист, отбивший долгую каторгу и поселение и потом брошенный под гласный надзор в степное село. Жил на Проще много лет, омужичился, стал хозяином и, как часто бывает с поднадзорными властного ума и характера, если они попадают в очень глухое захолустье, сделался человеком, необходимым для крестьянства, – своего рода моральным начальством, которое иной раз повлиятельнее начальства коронного.

Тимофей зазрил Потапа издали на буграх. Сперва испугался, потом обрадовался. Потап был как раз человек, подходящий Тимофею для помощи и совета. Что Потап поверит ему и не подумает, будто он убил Ульяну, Тимофей не сомневался.

Потап поверил. Положение трупа, характер ушибов и ран на теле Ульяны убедили старика, что Тимофей говорит правду. Сомнения и страхи Тимофея он тоже понял очень хорошо. Без вины разорят и засудят.

– Прежде всего «это» надо зарыть.

Подняли мужчины мертвую Ульяну и перенесли ее на заимку, во двор. Там Потап приказал Тимофею разметать

огромную кучу назема и на расчищенном месте рыть яму. Делалось так затем, что под наземом земля талая, рыхлая, и легче, скорее берет ее заступ. Ведь по Енисею и летом, уже на аршин вглубь, почва промерзлая, что камень, хоть разбей ее ломом и руби топором. А стояло не лето уже, ранняя осень: дни бежали к Покрову. Работали часа два. К вечеру тело Ульяны навсегда исчезло от глаз мира сего в глубокой яме, плотно засыпанной песком. Поверх песка мужчины снова навалили бугор назема.

– Теперь, – сказал Потап, – сядем да померекаем, как избывать беду твою дальше. Я так полагаю, Тимофей, что остаться на заимке тебе никак нельзя.

– Страшно, Потап Ильич, – сознался Тимофей. – Хотя баба была самая лядащая и никакой вины моей в ее смерти нету, а все же...

– Разумеется. Кому приятно жить одному в пустыне и труп под ногами чувствовать? Но, помимо того опасно, что родня, знакомцы, начальство вскоре хватятся твоей Ульяны, начнут ее искать. А перед следствием и допросом, – я тебя знаю, – ты спасуешь... ну, и готов черту баран: ни за что ни про что Сахалинахватишь... Надо тебе уехать, друг любезный. Уезжай.

– Я бы с радостью, Потап Ильич, только боязно: не подать бы на себя еще большего подозрения? Скажут люди: что за диковина? Пришла к Тимофею жена и как в воду канула, а сам Тимофей ускакал невесть куда, будто оглашенный? Это

не иначе, что он ее извел да бежал...

– Да, – спокойно возразил Потап, – ты совершенно прав. Бежать одному, без жены, я тебе не посоветую: прямая улика, – накроют. Но тебе следует не одному бежать, а именно вдвоем с женою.

– То есть как же это с женою, Потап Ильич?

– Так, с женою, с Ульяною.

– Позвольте, Потап Ильич? Мне невдомек. Ослышался я, что ли, или плохо вас понял? А зарывали-то мы с вами сейчас кого же?

– Ульяну зарывали.

– Ну?

– Чудак! Ульяну зарыли, а паспорт от нее небось цел остался? Нешто не знаешь, что на Руси человек состоит из души, тела и паспорта? Теперь – покуда не станет известно, что Ульяны твоей больше нет на свете, – которой женщине ты дашь паспорт Ульяны, та и будет Ульяною... Понял?

– Однако понял, – протяжно сказал Тимофей.

– Покуда ты назем ворочал, я твое дело обмозговал. Слушай: тебе совсем не «бежать» надо, а просто уехать, открыто уехать, у всех на вести, ну, в Красноярск, что ли, скажись, будто за покупками... И дам я тебе в попутчицы одну женщину... то есть девушку... Она из наших, политических, только в политику-то совсем не по характеру своему попала, а больше как кур во щи... Тоскует здесь ужасно, а сослана на пять лет. Человек хороший, но воли большой в себе

не имеет, страдать и терпеть неохоча, да и не понимает хорошо-то, за что терпит. Вообще лишняя она здесь. Я давно уже порешил устроить ей побег при первой же возможности. И если ты согласишься, то счастливее случая найти нельзя. По приметам она с Ульяною сходится. Ты ее знаешь: это – Лиза Басова. Моложе покойницы немножко, да это пустяки, сойдет. Вся твоя обязанность, стало быть, сводится к тому, что ты увезешь ее из наших мест, как будто бы свою жену, и доставишь, куда мы тебе назначим. А затем, пожалуй, хоть и домой возвращайся, на заимку. Скажешь людям, что жена поступила служить к господам, на место, в Красноярске или Томске. Можно, пожалуй, и паспорт ее там прописать. А то просто жалуйся, что, мол, запила, бросила меня в губернии... Все знают, какая шалая и непостоянная была твоя Ульяна. И если ты все это исполнишь, то не только спасешь себя от всякой опасности, но еще и доброе дело сделаешь и заработаешь рублей пятьдесят, даже сто. У Лизы есть маленькие деньжонки, да и я согласен помочь. И заранее говорю тебе: этой твоей услуги я, пока буду жить, тебе не забуду.

Тимофей очень задумался. План Потапа казался ему прост и ясен. Если и было что трудное к выполнению, то разве вначале: как провезти Лизу Басову под именем Ульяны по тем деревням и селам, где Ульяну знают в лицо? Но, сообразив расстояние и свои знакомства, Тимофей высчитал, что последний пункт по тракту, опасный ему в этом отношении, находится верстах в 50 – станок Кошмино: у Ульяны

была выдана туда замуж старшая сестра. Дальше Кошмина Ульяна никогда не бывала. На доброй паре сытых сибирских степных коньков Тимофей рассчитывал сделать этот перегон в ночное время, выехать с вечера, покормить коней «на степу», в дороге, и так приноровить, чтобы к свету очутиться уже далеко за Кошминым.

– Если опозднимся, ободняет, то дам крюку по степи, объеду Кошмино стороною... Ничего! можно! Вот только, Потап Ильич, не было бы за вашей барышнею погони от начальства?

– За три дня я тебе ручаюсь, что не будет. А может быть, и четыре, и все пять дней, даже неделя пройдет, покуда ее хватятся... Это-то нам устроить всего легче. И сами целы будем, и добрых людей не подведем. А за пять ден вы будете уже верстах в пятистах, если не больше. Да раз всем будет известно, что ты уехал со своею женою, какое же у кого может быть на тебя подозрение.

В таких соображениях и переговорах провели они – Потап с Тимофеем – целую ночь, а наутро окончательно ударили по рукам, решились и принялись действовать.

Побегу Лизы Басовой было назначено быть трое суток спустя. За это время Тимофей нарочно то и дело показывался на Проще всем, в том числе и помощнику станового, говорил о своей скорой поездке в Красноярск, будто хозяин-купец вызывает к себе по торговому делу, рассказывал, что жена к нему возвратилась, и жаловался, что никакого терпения

с нею не станет, – так безобразно пьет и буянит.

– Одно оставить невозможно: боюсь, займку сожжет; мне перед отъездом хлопот, забот выше головы, а отлучиться от дома не смею. Спасибо Потапу, что заходит присмотреть. Только в то время я и свободен.

– Ты бы ее, однако, полечил? – советовали ему.

– И то в Красноярск с собою везу, – лекарь там, сказывают, чудотворный проявился, хорошо пользует от запоя травами. Хотя большой надежды не имею, однако авось! Этакая обуза и убыток, а нечего делать, везу. Да и все равно: как ее, проклятую, одное дома оставить? Она займку сожжет. Вона – смотрите, как мне рожу-то обработала!

Некоторые любопытные кумушки сунулись было на займку посмотреть, как пьет и безобразит Тимофеева молодуха, но наткнулись там на сумрачную и грозную фигуру Потапа, который вытурил их без церемонии:

– Нечего, нечего хвосты трепать, о чужом сраме любопытствовать. Когда вытрезвим Ульяну, тогда милости прошу, а представлений делать из пьяного человека не позволю: стыдно вам, тетки.

Потапа боялись, – кумушки ушли, не солоно хлебав, а легенда о беспросыпном запое Ульяны еще более окрепла, выросла и покатила от хаты к хате.

Что касается Лизы Басовой, ее побег был обставлен очень просто. В назначенный день она обратилась к помощнику станового с просьбой об отлучке на три дня в соседнее се-

ло, верст за восемнадцать, к знакомой попадьё. Отлучки эти разрешались ей уже не раз, – у полиции Басова была на счету «смирной» и выигрывала тем маленькие побрякушки. Да и вообще ссылка в сибирском селе только скучна ужасно, и для людей, не имеющих своих средств, голодна; в рассуждении же общего «прижима», она, пожалуй, легче городской: начальства меньше, и калибром оно мельче. Помощник станового совершенно спокойно разрешил Басовой навестить попадьё, а Басова, тоже совершенно спокойно, отойдя версты две за поскотину, спустилась в балку, где ждал ее Потап с платьем, которое должно было превратить Лизу в Ульяну. Платье Лизы Потап зарыл тут же в балке и камнем завалил. Падали сумерки, когда, окружив село по степи, они вдвоем спустились к Тимофеевой заимке. А полчаса спустя затахтела по тракту кибитка, унося двоих путников. Проехать пришлось через все село, почти двухверстную Прощу, – на том настоял Потап. Слыша грохот колес, глядели люди в окна и говорили:

– Хурлянков в губернию покатыл: жену от пьянства лечить... Ишь, шельма, до чего себя довела: даже сидеть в кибитке не может... колодою лежит... Ай-ай-ай! Однако и бабы же пошли ноне.

Помощник станового тоже смотрел в окно и тоже жалел Тимофея и ругательски ругал его пьяницу-жену. Лиза Басова кончила свою ссылку!

II

Лиза Басова, так романически бежавшая из ссылки в селе Проще, – прав был Потап, – попала в революцию действительно «как кур во щи», – совсем нечаянно и, пожалуй что, почти не ко двору. Была она москвичка (не городская – из уезда), происходила из духовного звания, училась в московском Филаретовском училище, курса не кончила, по неприятностям с начальницею, и семнадцати лет поступила продавщицею в игрушечный магазин. В качестве сироты жила у тетеньки, которая весьма строго наблюдала за ее нравственностью, но обращалась с нею как с прислугою. Да и приходилось в самом деле помогать прислуге. Тетенька держала на Бронной студенческие меблированные комнаты с столовкою, пансионеры к ней валили валом, потому что дама была довольно добросовестная: кормила дешево и почти съедобно. Со студенчеством весело, – Лиза своею полуприслужническою ролью не тяготилась. Дело у тетеньки процветало и росло, а сама тетенька старела и болела. Лизе пришлось бросить магазин и превратиться в экономку меблированных комнат. Окруженная студентами, она ловила от них кое-какие «идеи времени», но, правду сказать, была слишком неразвита, чтобы сознательно усвоить, а развиваться было некогда: с утра до вечера кипела в хозяйстве, как в котле. Из себя девушка была не то чтобы уж очень красивая,

но – пресимпатичной миловидности, рослая, статная, дышащая здоровьем и силою. Темпераментом природа наградила ее холодным, к влюбчивости не расположенным, а для дружбы и товарищества весьма приспособленным. Поэтому студенчество очень уважало и любило Лизу Басову, несмотря на ее простоту и почти темноту, и даже ревниво берегло ее от чересчур предприимчивых развивателей. Таким образом, досуществовала Лиза Басова до двадцать второго года жизни, не выйдя замуж и не имев романа, – просто «добрым товарищем» и «хорошею девкою». С своей стороны она почти суеверно обожала студенчество, как некую высшую силу, инстинктивно, именно только за то уже, что оно студенчество, и не понимала, но глубоко уважала на веру решительно всякую «революцию», потому что огромное большинство студенчества, у нее квартирующего и столующегося, было революционно. Она знала кое-что по слуху – например, что у одних – «пролетарии всех стран, соединяйтесь», а у других – «в борьбе обретешь ты право свое». Какая разница между теми и другими, это оставалось выше понимания Лизы, но она одинаково сочувствовала тем и другим, трепетала за тех и других, вместе с теми и другими ненавидела полицию, опасалась и подозревала шпионов и, в случае надобности, очень могла за тех и других собою пожертвовать. Ну, и случай представился. Был обыск в меблированных комнатах, искали шрифт – и ничего не нашли. Присутствуя при обыске, за хозяйку, Лиза Басова заметила скромный тючок,

до которого полицейское внимание еще не достигло. Она хорошо знала, что тючок – с только что отпечатанными прокламациями более чем энергического призыва. Тогда Лиза Басова тючок очень ловко скрыла и вынесла в прачечную. Жандармы удалились с пустыми руками, забрав на всякий случай двух обысканных студентов. Но назавтра они возвратились уже за Лизой Басовой: номерная горничная подметила ее проделку и нашла выгодным донести. В тюрьме Басова вела себя опять-таки не героинею какую-нибудь, но с достоинством, «хорошею девкою»: никому ни словом не повредила, ни в чем не обмолвилась, а, не надеясь на свою изворотливость, больше отмалчивалась: знать не знаю, ведать не ведаю. Арестованные студенты, искренно жалея Лизу, усердно и постоянно заявляли на допросах, что Басова в их деле – ни при чем, человек не партийный и ровно ничего революционного они ей не открывали и не доверяли. Мудрое начальство и само видело с ясностью, что треплет совсем непричастного человека, но – за молчанку, в которой «упорствовала» Басова, – на всякий случай – швырнуло ее в порядке административной ссылки в Восточную Сибирь, на Енисей, в Процу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.